

СИМВОЛИКА МЁДА И ПЧЁЛ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ДЕНИСОВА *

Статья посвящена литературной функции древних метафор, связанных с образами меда и пчел, в сочинениях старообрядческого писателя XVIII в. Андрея Денисова. Исследуется роль символики пчел в оформлении мифологии Выга, в литературной интерпретации Выговской утопии. Как в древности, с помощью метафор меда и пчел формируется представление о труде писателя, а монастырь предстает как улей, где трудятся пчелы-монахи, любители книжной мудрости. В статье показано, как, опираясь на барочные теории слова, старообрядческий писатель развивал литературную традицию.

Ключевые слова: метафора, символ, риторика, барокко, старообрядческая литературная культура, Андрей Денисов, утопия, мифология.

Литературные образы, основанные на символике меда и пчел, относятся к топике древнерусской литературы, где они использовались преимущественно для обозначения писательского труда [Буланин, 1983. С. 8–11]. Представление о поэтах как о «сборщиках меда» уходит корнями в античную традицию [Ханзен-Лёве, 2003. С. 553–554], «медовую сладость» мудрых речений прославляли книги Ветхого Завета¹, в ранней Византии возникла метафора «монах-пчела» [Буланин, 1983. С. 9], а в эпоху Серебряного века символы меда и пчел, переплетаясь с исконно присущей семантике пчелы солярной символикой, нашли яркое воплощение в мифопоэтике Бальмонта, Блока, Вяч. Иванова, а затем и Мандельштама [Ханзен-Лёве, 2003. С. 539–555].

Весь спектр значений «пчелиной» символики, который был отмечен исследователями в отношении античной и средневековой традиций, оказался задействован в литературном творчестве Андрея Денисова

(1674–1730), выдающегося представителя «второго поколения» старообрядцев, создателя Выговской литературной школы [Дружинин, 1911; Поньрко, 1974; 1981; 1994; Юхименко, 2002; 2008]. Сохраняя приверженность идейно-догматическим установкам своих учителей, основателей старообрядческого движения, выговские книжники оказались достаточно восприимчивы по отношению к современным эстетическим веяниям. Литературная культура Выга относится к риторическому типу, причем особенной популярностью здесь пользовались барочные риторика, и именно они – Риторика Софрония Лихуда, Козьмы Афоноверского, Андрея (Яна) Белобоцкого, Иоанникия Галятовского – стали основными трансляторами барочных идей в словесности Выга.

Барокко выговских старообрядцев по типу примыкает к московскому и, как и московское, отличается рядом специфических (по сравнению с европейским стилем) особенностей. К ним относится так называемая

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 11-01-00350а).

¹ Ср.: Прит. 16: 24.

«умеренность», выраженная, в частности, в ограниченной рецепции ключевых барочных концептов [Панченко, 1973. С. 202–203; Черная, 2007. С. 73; Живов, 2007. С. 11–31], а также своеобразная рецепция одного из основополагающих принципов поэтики европейского барокко – «остроумия» (*acumen*) [Журавель, 2012]. Теория остроумия, сформулированная в начале XVII в. М. Сарбевским в трактате «*De acuto et aeguto*», постулировала особый тип образности, основанный на неожиданном, необычном сопряжении отдаленных на первый взгляд вещей и представлений. Принцип *acumen* лежит в основе европейского барочного метафоризма [Морозов, Софронова, 1979; Лахманн, 2001. С. 86–115; Сазонова, 2006. С. 174–180], однако он достаточно умеренно проявился в творчестве таких русских представителей барокко, как Сильвестр Медведев, Евфимий Чудовский [Сазонова, 2006. С. 178].

Анализ теоретического материала выговских риторик позволил нам прийти к выводу, что и выговские книжники достаточно осторожно восприняли барочный принцип остроумия, понимая под этим термином не только естественную остроту ума (смысл слова «остроумие», понятный протопопу Аввакуму и зафиксированный русскими лексикографами [Николаев, 2000]), но и умение опираться на логику, причем на аристотелевские категории, развернутый список которых сопровождает разделы об «остроумии» в выговских риторических кодексах². Ориентируясь на барочные теории текста, выговские авторы, и прежде всего Андрей Денисов, охотно прибегают к приемам, основанным на иносказании, метафоры и аллегории широко используются в проповедях выговского лидера, как и ряда его соратников по перу, однако практически все они не выходят за рамки того арсенала, которым располагала древнерусская словесность.

При этом Андрей Денисов создает множество вариантов развернутых метафор, наделяет метафорический ряд новыми смысловыми оттенками, свободно оперирует библейскими символами, выстраивая слож-

ные семантические конструкции. Проповеднические сочинения старообрядческого автора (в большинстве своем пока не изданные) пестрят развернутыми метафорами и аллегориями, что вполне соответствовало барочным риторикам, утверждавшим теорию 4-х смыслов Священного Писания.

При помощи символики меда Андрей Денисов выражает концепцию писательского труда как мастерства, как проявления «любомудрия», немислимого им, как и другими выговскими книжниками, без овладения риторикой, философией и прочими «науками», – того, что категорически отрицалось основателями раскола³ [Панченко, 1973. С. 190–193, Лахманн, 2001. С. 32–40]. Основываясь на предложенном А. М. Панченко определении двух основных средневековых писательских типов как «апостола» и «мастера» [Панченко, 1973. С. 191–193], Н. В. Поньрко на ряде примеров показала, что выговцы принадлежали ко второму типу [1994. С. 104–112]. Премудрость (понятие, воспринятое из ветхозаветных библейских книг) отождествляется выговскими книжниками с искусством словесности, а их символическим эквивалентом становится метафора меда.

Впервые наиболее отчетливо это выразилось в одном из совершенных творений Андрея Денисова, которое можно считать образцом барочной гомилетики, «Сотове медовни, словеса добра, сласть же их исцеление души. Словеса сия у премудраго Соломона в притчах в главах 16 реченная суть» [Дружинин, 1912. С. 118, № 121] (ср.: Прит. 16: 24).

По свидетельству агиобиографа Андрея Денисова Андрея Борисова, сочинение было написано во время поездки Андрея Денисова в Киев в августе 1718 г.⁴ как своеобразное испытание, представленное на суд учителей Киево-Могилянской академии.

³ Подобные декларации не означали, что имманентная риторичность не была свойственна художественной системе протопопа Аввакума [Виноградов, 1958], как, впрочем, и древнерусской литературе в целом [Lenhoff, 1977; 1984; Лунде, 1995]. Речь идет о сознательной ориентации не на авторитетные образцы текстов, а на риторические модели, описанные в риториках [Picchio, 1973].

⁴ Житие Андрея Денисова. РГБ. Собр. Барсова, № 156, конец XVIII – начало XIX в. Л. 109 об. – 124. На этот источник ссылаются исследователи [Дружинин, 1911. С. 25; Юхименко, 2002. Т. 2. С. 426]. См. также: [Яковлев, 1888. С. 410].

² На основе заимствованных риторик выговские книжники создают в 1720-х – начале 1730-х гг. собственный труд – фундаментальную Риторику-свод, а в последней четверти XVIII в. – учебную Поморскую риторику [Поньрко, 1981; Журавель, 2008].

Верифицировать биографическую основу Жития Андрея Денисова, написанного его последователем, достаточно трудно, но, учитывая мобильность выговского наставника, объезжавшего многие русские города в поисках книг для библиотеки Выга («овые покупаше, овые списоваше») ⁵, поездка «к первопрестолному граду Киеву» ⁶, весьма подробно описанная в Житии, могла иметь место.

Взяв фему из Притчей Соломона «Сотове медовни, словеса добра...», Андрей Денисов «...через сию фему люботщательно в немедленном времени сочини слово толико и таково всякому ученому и неученому сладостно и приятно, еще же и в страсти празднословия целително, яко праведно тому согласовати во всем с предвзятою оною премудрою фемою» ⁷. Прочтенное вслух перед слушателями академии, слово вызвало одобрение, а некоторые подумали, что оно «с греческого или с латинского переведенное». Выговский гость успешно выдержал даже нечто вроде экзамена «в сем риторском философском феологическом учении» ⁸.

Ключевая метафора сочинения, заданная цитатой из Притчей Соломона, выражает древнейшую мифологему: мудрое слово – мед. Мед считался символом духовной пищи богов у неоплатоников [Ханзен-Лёве, 2003. С. 554]: «Не вся словеса, яже глаголють человекы, добра суть, не вся премудрости медомъ помазана, не вся исцѣление души творящая, паче же многажды износим суетная и праздная словеса, и никоея же пользы, но вредъ души соделовающая, и не сладость умную, но паче горкость вечную и помрачение совѣстное источающая. Мужей же мудрыхъ разумомъ, свѣтлости учения просвещѣнныхъ словеса – тая суть словеса, сладости исполненная, тая скорбь неразумия исцѣляющая, тая печальная пельни услаждающая, о киихъ благородныхъ въ премудрости мужехъ премудрости рачитель тамо же, въ главѣ 24, глаголетъ: «Лучший премудъ крѣпкаго, мужъ, мудрость имѣя, тяжателя велика» ⁹ (ср.: Прит. 24:5).

Помимо образа медовой сладости, концепция мудрого слова выстраивается через метафоры, выражающие тему обогащения, собирания богатств, через образы золота, украшающего уста премудрых: «...нищъ есмь премудростнаго украшения, но усердно ублажаю обогащенныя разумомъ, позлатившия своя уста красотою премудрыхъ словесъ. Тѣмже дерзаю ублажати... сладость словесъ разумныхъ, словесъ, позлащенныхъ красотою премудрости, в похвалу обогащенныхъ премудростию мужей, во усердие же благородныхъ отроковъ, желающихъ позлатити своя уста от нилоструйныхъ источниковъ» ¹⁰.

Библейские цитаты, в основном из Ветхого Завета – излюбленного источника аргументации южно-русских, московских [Попов, 1886. С. 72; Поньрко, 1994. С. 106–107], а также выговских барочных проповедников, вводятся в текст весьма обильно. Автор демонстрирует здесь свое мастерство, обыгрывая примеры из Книги Есфири, из 2-й Книги Ездры, в которых содержатся свидетельства силы мудрого слова.

Метафоры меда и пчел применительно к теме любомудрия встречаются и в других текстах Андрея Денисова. Свое послание из Москвы к выговцам он начинает следующим обращением: «Понеже любопытствительни есте, яко пчелы, по различнымъ цвѣтникомъ повѣстей облѣтаете, от многодѣйственныхъ цвѣтовъ пресладкии мудролюбия плодъ обсысаете, откуда желательнo и нам, лѣнливимъ, повѣствовати вамъ, что новонародное и удивляемо услышимъ, надѣющеся и отсюду возможи вамъ татствовати душепитательный медъ...» ¹¹. Здесь уже появляются образы выговских пустынножителей как пчел, жаждущих собирать мед мудрости.

Те же образы варьируются в послании Андрея Денисова «О любомудрии» [Дружинин, 1912. С. 110, № 80]: «Якоже пчелное люботрудие, естествоводимо, изяществует в медособирании, всюду обтичюще, на всякъ садъ и цвѣтъ устремляются, крины селныя съсуть, травы луговъ облизуютъ, татествуютъ всяко насѣяние, капли медовныя от всѣхъ крадуще, собрание пресладко и дивно

⁵ РГБ. Собр. Барсова. № 156. Л. 87.

⁶ Там же. Л. 109 об.

⁷ Там же. Л. 116–117.

⁸ Там же. Л. 117 – 117 об.

⁹ РГБ. Собр. Егорова. № 1992, 1720–1730-е гг. Л. 76 – 76 об. Почерк Даниила Матвеева.

¹⁰ Там же. Л. 76 об.

¹¹ Андрей Денисов. Послание с Москвы во обществство о встрече персидского слона. Цит. по публикации: [Журавель, 2010. С. 115–116].

меда собирають, и не своему точию чреву и гортани плодоносяще, но преизобильно собирающе, яко домом и купилищемъ довольствовати от сладости собраниа ихъ, – сице любомудрия свѣтлѣйшии рачители, от вѣковъ возрастшия, любомудрецев любомудрия винограды тако лобызають, яко всяко премудрости возрастшее и растущее древо, еже постигнуть, цѣлуют, на всякъ доброразумия сад, яже узрят, устремляются, от всякаго, яже обрящут, доброумия источника черплюще, возгромаждають сокровище премудрости. И тако обогащесея, обогащают другия, обогащающе же инья, многубнѣйше преобогащаются; усугубляя таланты, излище преполны благодатнаго дара бывают»¹².

В этом фрагменте при помощи развернутой метафоры «пчелы-собиратели мудрости» автор рисует целостную картину, где воедино собраны и мотивы мудрости-медовой сладости, и собирания богатства премудрости по разным цветам-книгам, и тема сада, традиционно ассоциирующегося с темой рая. Овладение книжной мудростью уподобляется здесь, кроме того, солнечному свету и сравнивается с природным солнцем, освещающим вселенную: «оно во дни токмо, наипаче же в весну и лето, си еже и в ноцех, и в осень, и зиму равно осветлевающе рачители своя». Здесь соединились две архетипические метафоры, хорошо известные христианской традиции. Солнце в христианстве – символ Бога, а мед и пчелы также восходят к солярной символике [Ханзен-Лёве, 2003. С. 553]. Таким образом, в семантике мудрого слова переплетаются темы писательского дара и Божественного источника.

В Слове «Всяк подвизаяся от всего воздержится» [Дружинин, 1912. С. 119, № 129] автор предлагает в качестве угощения пустынножителем свое послание, основанное на мудрых словах апостола Павла: «представимъ чертожницамъ небеснымъ в плачевнѣй дебри гостителну трапезу, аще и нелѣпно от насъ расчинаему, но благодатную сладость от Павлова пчелника (курсив здесь и далее мой. – О. Ж.) подаваетъ неизнуря-

му»¹³. Послания апостола метафорически обозначаются как «Павлов пчельник», улей. Старообрядческий писатель, жители киновии и апостол оказываются связанными единой символикой. Этот же символ – пчелиного улья – используется писателем в процессе мифологизации образа Выговского общежительства.

В новейшем обобщающем исследовании утопий Б. Ф. Егоров назвал Выг «наиболее крупной и долговечной практической реализацией старообрядческой утопии» [2007. С. 32]. Действительно, после избрания киновиархом Андрея Денисова (1703 г.) Выговское общежительство стало стремительно превращаться в крупнейший центр сохранения древних традиций и на протяжении почти полутора столетий оставалось своеобразным «государством в государстве». «Основатели Выга осуществили беспрецедентный для России опыт построения почти утопического бытия отдельно взятой религиозной общины. Они на протяжении полутора столетий превращали в процветающее и многолюдное общежительство некогда убогие и скудные лесные чащобы Севера» [Маркелов, 2008. С. 491]. Обустройство Выговской пустыни, хозяйственная, экономическая жизнь, быт и культурное строительство изучены в настоящее время достаточно основательно [Crummey, 1970. Р. 101–134; Клибанов, 1977. С. 174–192; Юхименко, 2002]. Совершенно очевидно, что расцвет Выговской пустыни в первые десятилетия XVIII в. стал возможен не только благодаря организаторским способностям его основателей, и прежде всего Андрея Денисова, но и вследствие того значения, которое он и его сподвижники придавали слову. Литературная реализация выговской утопии, ее содержательное наполнение, топика, с помощью которой выстраивался утопический сюжет, представляют собой одно из неизученных и чрезвычайно интересных направлений исследования.

Безусловное послушание руководству, равноправие рядовых пустынножителей, аскетизм, отсутствие личного имущества и связей с родственниками, запрет на любое общение с внешним миром означали построение жизни в Выговском центре в соответствии с аскетически-монастырским идеа-

¹² Цит. по нашей публикации самого раннего списка сочинения из сборника Института истории СО РАН: [Духовная литература, 2011. С. 24].

¹³ РГБ. Собр. Рогожского кладбища. № 609. 1720-е гг. Л. 101 – 101 об.

лом. Но в этот идеал входило как важнейший элемент и эстетическая составляющая, в частности, почитание словесного искусства – идеал «любомудрия». Слушание поучений и проповедей, написанных предводителями Выга, вменялось здесь в обязанность.

В своих словах и поучениях Андрей Денисов создает идеализированный образ Выговской пустыни как острова спасения. Для этого оказывается задействован целый комплекс традиционных мифологем и архетипических образов. В частности, чрезвычайно популярным становится апокалиптический символ Жены, облеченной в солнце (Откр 12: 1-17). Практически все символы, составляющие сюжет 12-й главы Откровения, нашли отражение в системе мотивов, при помощи которых Андрей Денисов создает утопический образ Выга. Библейский символ Жены, убегаящей от дракона и обретающей покой в пустыне, отождествляется с истинной Верой и соответственно Церковью, которая есть не «не стены и покровь, но вѣра и житие»¹⁴.

Опираясь на барочную герменевтику, Андрей Денисов прославляет все добродетели, которыми должен отличаться населенник Выга. Персонифицированные образы Девства, Смирения, Чистоты, самой Выговской церкви и Веры заселяют это идеализированное пространство.

Аще высокоустроенный дом
красновидно усмехается,
но основания крѣпостию весь
утверждается,
такое церковь, аще многими
светоблещает добродѣтелями,
но единою вѣры православныя красотою
светлѣется;
многа строения духовная, но единое
основание,
вѣра православно кафолическая¹⁵.

Пышные декоративные средства барочной стилистики помогают автору создать церемониальную атмосферу особого утопического времени-места как предметафоры

Небесного Царства, само пребывание в котором спасительно. Образ выговской утопии дополняется при помощи символики улья, где любовь к премудрости и трудолюбие иноков-пчел сливаются воедино.

Составляя Риторику-свод в конце 1720-х гг., Андрей Денисов включает в качестве парадигмы отредактированный им текст одного из источников – пример, взятый из Риторики Софрония Лихуда. В парадигме использован прием олицетворения, пчелы изображены как одушевленные существа:

«Видиши ли лапателницы, хищницы и питателницы, чрез цвѣтновныя сокровища, чрез безсмертная богатства садов, чрез шипковая стяжания вертоградов несытным хищением, яко нѣккии чин, устроенный купно, лѣтающе, устремляющиеся к шипком, сокровиществуют в садѣх, плодоносят в гумнах, простираются на рѣках, пьют без сомнѣния, хапают мед и купно корысти приносят»¹⁶.

Далее Андрей Денисов (на поле в рукописи указано его авторство), вдохновленный этой метафорой, предлагает обширный экфрасис, где уже иноки уподобляются пчелам:

«Видиши ли, како сии церковнии пчелы, премудрии тателницы и добродетелей хищателницы, чрез послушная хождения, чрез священныя тяжести трудов, чрез безсмертная сѣянныя, пролития потов, несытным спасения хапанием, яко нѣккии чин устроенный, ревностно, яко крилаты, чрез блага лѣтающе, устремляются к нивам //, сокровиществуют в ношении тяжких древ, в зыгромажении их плодоносят, в терпѣнии досад древохапальных богатствуют, друг

¹⁶ БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 243. Ср. в Риторике Софрония Лихуда: «Зриши, яко тии хищницы, пчелы и разбойницы, чрез цвѣтущая естества сокровища, чрез нектара богатства сажении, чрез рожанья нив газы ненасытным хищением, аки полк состроенный, купно полками летающия, нападают и от шипков оттерзають; //съуть в вертоградах, на гумнах почерпают, мед похищают, очинно хищения вносят. Се яко паки из пчелников кричливым гудением шумящия пред идушу их князю овья убо извлекающия жала, овья же простирающияся, изшествие творят, и оная гумна потченая здравнейшими ароматами обоняются, сладчайшими зелиями и испещренными цвѣтами обходящия во всяком цвѣтѣ, сретающем свене закона устремляются. Фиалки растлевают, злато шипково похищают, серебро крина изъемлют, объятеля сеуть, касию пьют, материку обривают, крокос пожирают, липу и акинфу исчерпают (РНБ. О. XV. 8. Первая треть XVIII в. Л. 53).

¹⁴ Знаменитое и важное для всех старообрядцев высказывание Иоанна Златоуста цит. по списку Слова о вере Андрея Денисова: [Дружинин, 1912. С. 113–114, № 104]; РГБ. Собр. Егорова. № 1992. 20-е гг. XVIII в. Л. 10 об.

¹⁵ РГБ. Собр. Егорова. № 1992. 20-е гг. XVIII в. Л. 3 – 3 об.

пред другом хапают благодатный мед, пиют пресладкое безстрастие, и купно вѣчныя корысти приносят»¹⁷.

Во множестве деталей узнается реальная жизнь Выговского монастыря, пропущенная сквозь идеализирующую призму метафорического дискурса. «...И овии из них путешествие правящее, овии же благочиние надсмотряще, и овия трапезныя и поварныя сосуды носящее, овии же церковную пользу книги имущее, чащи лесныя обьюхающе, высоковерхними древами и холмами земными наслаждающиеся. Обшедше един от холмов, на нивное устроение окружат, на всякое в нем древо, аще срѣтъят, кроме закона устремляются, их посекающе в послушания ползу души сокровиществующе, со всякаго древа богатство себѣ небесное ухищряюще, от сосния мед духовный крадут, от елия // красоту души плодоносят, в березах райския цветы татствуют, высоковерхия осины сламяют и всякая древца к земли скланяют, от коегождо плоды души татебствуют»¹⁸.

В образе «монастырь-улей» исчерпывающе представлена вся жизнь монастыря, – и тяжкий физический труд, и необходимость временно покинуть стены обители, отправляясь на заработки, и смирение страстей, и освоение окружающего пространства. Реалии северной природы – сосны, ели, березы, сопровождаются деталями «райского» топоса («в березах райския цветы татствуют»). Важная деталь в характеристике иноков-пчел – мудрость, «церковные книги». Порядок, четкое распределение обязанностей, непрестанная трудовая деятельность, подчеркнутые в этой утопической картине, действительно напоминают роковую жизнь пчел. Так рисовал свой утопический идеал один из создателей крупнейшего старообрядческого центра.

Высота, на которую было поднято выговскими книжниками искусство слова, позволяет рассматривать литературную жизнь Выга как важную эпоху в истории не только русской, но и мировой словесности. Обращаясь к древнейшим символам и переосмысливая их, старообрядческий писатель включался в большой культурный диалог, свидетельствуя о важности и «медовой»

сладости искусного слова, которое, как свидетельствует апостол, изначально было от Бога.

Список литературы

Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3–13.

Виноградов В. В. К изучению стиля протопыта Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 371–379.

Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Под ред. Н. Н. Покровского. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. Т. 3. 405 с.

Егоров Б. Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб. Искусство-СПб, 2007.

Живов В. К типологии барокко в русской литературе XVII – начала XVIII в. // Человек в культуре русского барокко: Сб. ст. по материалам междунар. конф. М., 2007. С. 11–36.

Журавель О. Д. «Остроумие есть изящность естества ума»: к вопросу о барокко выговских старообрядцев // Сибирский Филологический журнал. 2012. № 2. С. 48–54.

Журавель О. Д. К изучению поэтического стиля Андрея Денисова: «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 95–118.

Журавель О. Д. Выговские риторика и проблема жанровой типологии старообрядческой проповеди // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 54–87.

Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М.: Наука, 1977. 336 с.

Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятия поэтического. СПб.: Академический проект, 2001.

¹⁷ БАН. Собр. Дружинина. № 122. Л. 243 – 243 об.

¹⁸ Там же. Л. 243–244.

Лунде Ингуни. Риторика и проблема жанра в древнерусской литературе // Scando-Slavica. 1995. Т. 41. С. 131–143.

Маркелов Г. В. Выгорецкий Чиновник: Тексты и исследования // Выгорецкий Чиновник: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. Т. 2. 556 с.

Морозов А. А., Софронова Л. А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко. М.: Наука, 1979. С. 13–38.

Николаев С. И. Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 71–76.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.

Понырко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ, Л.: Наука, 1974. Т. 29. С. 274–290.

Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1981. Т. 36. С. 154–162.

Понырко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. СПб., 1994. С. 104–112.

Попов В. Симеон Полоцкий как проповедник. М., 1886.

Сафонова Л. И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.

Ханзен-Лёве А. А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космиче-

ская символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

Черная Л. А. Особенности барокко как мироощущения в России XVII – начала XVIII столетия // Человек в культуре русского барокко: Сб. ст. по материалам междунар. конф. М., 2007. С. 73–85.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература: В 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общечинельства: В 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.

Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. № 1–9.

Crummey R. O. The Old Believers a the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State 1694–1855. Madison; Milwaukee; L., 1970. 258 p.

Lenhoff G. Книга Palomnik: A Study in Old Russian Rhetoric // Scando-Slavica. 1977. Vol. 23. P. 39–61.

Lenhoff G. Toward a Theory of Protogenres in Medieval Russian Letters // Russian Review. 1984. No. 43. P. 31–54.

Picchio R. Models and Patterns in the Literary Tradition of Medieval Orthodox Slavdom // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. Vol. 2: Literature and Folklore / Ed. by V. Terras. P: The Hague, 1973. P. 439–467.

Материал поступил в редколлегию 22.09.2012

O. D. Zhuravel

Symbolics of honey and bee in creativity of Andrey Denisov

The paper deals with the literary function of the ancient metaphors connected with images of honey and bees, which are in compositions of the old believe writer of the 18th century Andrey Denisov used. The role of symbolics of bees in Vyg Old-Believers mythology and in literary interpretation of the Vyg Utopia is investigated. As well as in an antiquity, by means of metaphors of honey and bees representation about work of the writer is formed, and the monastery appears as a beehive where bees-monks, fans of book wisdom, work. Thus, leaning on baroque theories of a word, the old believe writer was built in literary tradition.

Keywords: metaphor, symbol, rhetoric, baroque, the Old-Believers Literary Culture, Andrey Denisov, Utopia, mythology.